

От администрации сайта.

Для опубликования данного текста были приложены немалые усилия: в первую очередь хочется поблагодарить **Илью Николаевича Пинжалина (МАТВЕЯ ПЛАТОВА)**, усилиями которого и был осуществлен набор текста по совершенно плохо различимой копии оригинала и которому пришлось вынести все последствия медлительности администратора сайта; во-вторых СК за работу по корректуре текста со старославянскими шрифтами и за долготерпение.

Возможно где-то в тексте, при всем старании обойтись с ним максимально бережно, мы допустили существенные грамматические ошибки. Просим отнестись к этому снисходительно, так как мы не являемся специалистами-филологами, а также из-за низкого качества оригинала.

Стоит сказать, что предлагаемый текст есть **ТОЛЬКО ПРЕДИСЛОВИЕ** к основному тексту книги **“ЧАРОМУТИЕ”**, где разбираются уже конкретные слова, понятия, имена и числа.

Для оцифровки полной книги у администрации сайта нет ни времени, ни средств, это достаточно большая и кропотливая работа. Однако уже этого фрагмента достаточно, чтобы пролить свет на подходы к языковым и национальным проблемам лучших умов Российской Империи. Государственному военному человеку это не повредит.

Можно сколько угодно спорить об истинности делаемых автором выводов, но отмахнуться от этой точки зрения нельзя никак.

Платонъ Лукашевичъ

ЧАРОМУТИЕ
или
СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫКЪ МАГОВЪ, ВОЛХВОВЪ И ЖРЕЦОВЪ

Печатать позволяется:

с темъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.Петербург, 9 Сентября 1846 года.

Ценсоръ А.Крыловъ.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде нежели объясню Свету, что есть чаромутие, я должен заметить, хотя мимоходом и опущая многое, что наш язык Славянский есть язык первобытного мира, древности незапамятной; что богатство его равняется богатству языков чаромутных, всех вместе взятых; что Бог сохранил его неприкосновенно или пощадил его от чаромутия на память всему роду человеческому; что мы многие тысячелетия прожили не чужим, а своим умом и разумом. Гардо и Блюправный мир (а вместе и просвещение) со всеми своими подразделениями и в полном устройстве первого неизвестного законодателя оно, всегда у нас пребывали; когда мы защищали Европу от безчисленных орд народов Монгольских, устремлявшихся на запад для добычи и истребления народов; и тем укрепили последних в большем могуществе и просвещении; когда наши священные и заповедные дубравы под ударом топора оредели, и леса от населений начали более и более истребляться, а по мере того реки и речки мелеть и иссякать, в то время и прилив Монгольских орд из средней Азии увеличился: и тем добыча была для них вернее. И сколько веков пеший Славянин выходил на смертоносный бой против конника Азии (1)! Когда погибли от Монголов и Арабов Славяне Персии, которые едва ли ещё успели очаромутиться по языку Магов; когда погибли под теми же ударами истотные Славяне Малой Азии – все до единого; когда знаменитое племя Балгарское потеряло Херсонес Таврический, знатную часть Фракии и частию Македонию; когда Дакия обезлюдилась; когда в Паннонию вкочевала Калмыцкая или Монгольская орда, называемая ныне «Мадьяр», и поработила там наших братьев: в те времена, повторяю, наши Славяно-Русские племена, богохранимые от чаромутия, и всякой лжи и скверны, более чем когда-либо противоборствовали диким Монголам, и прикрывали Юго-Запад Европы от подобного истребления, выдерживая всю лютость нападений на себя, и тем успели

сохранить навек сию сокровищницу наук и просвещения. Тогда полудикие, потом полупросвещённые, напоследок уже совсем просвещённые Немцы, первоначально выйдя из тёмного угла Европы с помощью побеждённых ими Галлов, начали покорением Славян, то пользуясь их раздором, то прельщая Королей и Князей славянских своим «всезнанием», «верностию», «усердием» и «деланием художественного коровьего сыромаслия», так что сии владыки с большою охотой отдавали им обширные земли свои для заселений, где новые поселенцы, употребив все сии орудия на собственную пользу, не делились со Славянами ни крохой. И когда сии области попадали под прямую власть Немцев; тогда те новопоселенцы становились деятельными помощниками господствующим своим братьям в угнетении туземцев (2). Таким образом, начиная от пределов Голландии и обоих берегов Рейна, продвигались они далее и далее на Восток, и в продолжение тысячелетия основали на землях славянских одну Праву (Империю, Kaiserihuni), четыре Королевства и множество мелких Владений. Один упрёк, и упрёк справедливый должно сделать Славянам: они помогали не друг другу против общих своих врагов, а нередко сим последним: причины крылись в различии священных, или чаромутных языков Славянских, раздиравших некогда и наши утробы! А там предания ненависти друг ко другу вкоренялись! Орлы бьются, а воробьям перья достаются...

Не верю, что единоплеменники без горя и кручины видели гибель Славян Малоазийских и Фракийских; и кто знает, сии частые нашествия предков наших на порочную и просвещённую Римскую Праву не были ли кровавою виною за предание смерти Славян Понтийских, за мечарей (гладиаторов), выводимых на заклание для потехи Римского народа? Сии мечари были несчастные полонёники погромленных стран Славянских. Не хотел ли Митридат с помощью наших предков смирить навсегда высокомерных и властолюбивых Римлян, внося войну в самую Италию? А местные «ходы» на Византию не были ли карою за тмени (миллионы) её подданных, ею же истреблённых в следствие богословских прений и разделения веры Христианской? Разве не переплывали через Чёрное Море тысячи Малоазийских Славян ко своим братьям Северянам (замечу: «Северяне» составляли южное племя Русских Славян), и не требовали отмщения и восстановления своего погибающего отечества? Построение Византии, Царяграда, как столицы и средоточия Правы Римской, не положило ли начало разделению Азиатских и Европейских «истотных» Славян? Не говорил ли наш Святослав: *Българи среди земли моей!* Не заимствовал ли он сие выражение, по преданию, от древнейших Славянских Предводителей?... Где же сии покорители народов? Где они?... где Римские Правы?

Живя в стране отдалённой от морей, находясь всегда в боях, предки наши мало заботились о своих существенных пользах и упускали из виду пользы, от побед и выгодного мира происходящие; зато и не были обманываемы кознями дипломатии. Если бы можно было поставить на нашем месте хвалёных Греков и Римлян; то в итоге было бы тоже, а может быть и хуже. Припомните, что некогда в нынешней России, и в лучшей её стране, на Северных берегах черного моря и в Тавриде, были многочисленные поселения Греков; они защищались и горами и крепостями и близостью моря. Но где же вскоре поделись?...

Малейшее дуновение ветерка от Востока унесло их! А Генуэзцы?... Нет, только закалённый сын Севера в состоянии был перенести подобные невзгоды и смело противостоять им! Дядя Александра Македонского справедливо говаривал: племянник мой сражается в Азии с бабами, а я в (Южной) Европе с мужами. Что бы он сказал, если бы имел дело с Гипербореями реки Волхова?

Касательно душевных чувств и дарований Русские одарены от Бога также преизбыточно, как и все другие народы: особенно разительно сходство с теми, с которыми некогда ни в чём не различались, напр. с народами Римской крови. Лучше всего об избытке чувствований души и сердца народа можно судить из его племенных напевов – это отголосок самой души. Послушайте же их, начните с священных наших песнопений: древнейшие суть «гласы» Киево-Печёрской Лавры: они не изменились со времён Св. Владимира. – За тем переложите на значи (ноты), ничего не прибавляя и не убавляя, старинные воинские и другие (4) Южно - Русские песни: и тогда удостоверитесь, что напевы и голоса наши превосходят таковые всех других народов. И не удивительно: они поются и составлены на наречии «первобытного языка», с коим в богатстве, гибкости и сладкогласии далеко не сравнится ни один из чаромутных языков (все они искусственны) – на поднаречии, которое, можно сказать, образовалось от пения, так что оно не имеет звука *g* а заменяет оный через *h*. В сих песнях один слог и частью содержание изменились; но голоса, по преданию и закону песнопения, остались те же: вот почему сии голоса схожи со Словацкими, а сии с Лужацкими, с Сербскими и т.д. Слушая сии песни, каждый инородец справедливо может сказать: так пели и мои предки! И после толиких переворотов и времени, как не удивляться, что всё у Славян, особенно в нашей святой Руси, так верно сохранилось?

У неё ключ «к древнейшему некогда просвещению рода человеческого». Знайте только открыть это сокровище: клады прихотливы, и не даются каждому проходящему их искателю.

Прохожу молчанием древнейший наш быт времён до-Христианских и времён Удельной совместы (системы) и старинный домашний быт и устройство царства Русского до времён Петра 1. В последние полтора столетия почти всё сие в нём изменилось, изгладилось, и через то появился повод лгать на Великороссиян иностранцам и инородцам: инородцы всё в нём сделали, сотворили, олюлюлили, вывели из дикости святую Русь! – Точно, начиная с искусства входить в неоплатные долги до равнодушия к самим себе! За то, те самые инородцы самих себя вовсе не пренебрегают и не позабыли «своих польз». Учителям и должно дорого платить, а родителям нечего скупиться: если их дети по рассеянности или по расчёту учителей не успели многому научиться...

Древний быт Южно-Русский окончился только в 1783 году в нынешней Малороссии. Любопытнейшая по времени примечательность! Это был последний уголок обширнейшей Правы Русской, где ещё так долго держались законы так называемого Великого княжества Литовского, древние одеяния и наряды, древний Южно-Русский быт и не большое 40 или 60 тысячное войско с своими охококомонцами, пушкарями; где доживали «стародавние» бобровники, бортники и проч. и проч.; где лепообразные панно, вместо фортопий, играли на гусях и пели или псалмы царя Давида или древние свои песни: девицы были не в отчуждении (5), и женский пол нередко даже властвовал – так гласят и народные песни. На пирах шум был велик, веселие чистосердечно. В «замках» знатных панов, как у простолудинов, соблюдался весь свадебный устав Южно-Русского «веселья»: там были дружки, светелки, бояре, подчашие, которые окружали «молодого князя и княгиню» при пении обрядных песен. Малороссийское козацкое войско, как и запорожское, имело своё собственное устройство. В 18 веке оно оберегало южные пределы Правы от набегов Татарских; а остатки его, в нынешних Киевской и Подольской губерниях, там и сям дрались против войск Польских своевольных вельмож, силившихся после смерти Палея, полковника Белоцерковского и Хвастовского, обращать в холопство тамошнюю Русь и истреблять Православие; того Палея, который, как гласят летописи, «яко князя Русьское» господствовал от Днепра до Буга, взимая десятину от доходов тамошней Руси, не допуская Поляков и Жидов вступать в сии области, осиротевшие лишением подданства Царя Русского, и уступленные по Андрусовскому договору Полякам (6). Оно дралось пешим и конным строем: когда же опасность была велика, то все спешивались и из обозов полковых составлялся четвероугольник; за сими-то повозками и воины и возники отстреливались от неприятеля и не сдавались уже в плен (7). Г. Булгарин справедливо заметил общность подобной воинской защиты, бывшей у древних Славянских народов, им описанных: повозочное, или колесничное войско есть чисто Славянского происхождения: первобытно у Фракийцев, Малоазийцев, Греков, Персов и Индийцев употреблялось оно вместо обыкновенной конницы. Разумеется у нас не сохранялось или сохранилось всё так, как было в древнем мире за три или более тысячи лет: но многое можно узнать соображением, приблизительно.

Сверх того, мы имеем и храним на земле те древности первобытного «людоправления», о которой ещё во времена Геродота давно потеряли даже и память древние народы. Иначе сказать: памятники до-чаромутных времён и памятники, служившие средствами к очаромутению народов целого мира. Почему же кроме Славян, все другие народы не сохранили их названий, или сохранили в весьма искажённом виде? – Потому, что они утратили совершенно первобытный язык, и от того настоящие названия древних гардов, насыпей и других памятников и урочищ потеряны. Сии памятники «читаются» различно по двум началам, а не просто разбираются. Если бы в наших наречиях не крылись неизменные законы первобытного Славянского языка, если бы чаромутие сверх того не имело собственных; то ничего не было бы легче, как от скуки или ради препровождения времени, заняться словопроизводством.

Сей бывший наш быт, носящий отпечаток несомненной древности, сии чувства души, сии обычаи, сии священные остатки древностей конечно врагами Славянства будут истолкованы в дурную сторону, в наше осуждение; они припишут это «врождённой» нашей неспособности к «развитию», усовершенствованию, назовут Китайскою неподвижностью. Бумага всё терпит, а ложь всплывёт: нет народа в мире переимчивее нас; в этом согласны все иностранцы (благонамереннейшие из них об этом даже сожалеют); а касательно дарований Славяне с каждым народом могут состязаться. То, что мы сохранили для рода человеческого, не есть наше осуждение, а истинная слава, торжество «безсмертного» рода человеческого: первейше должно приписать сие воле Всевышнего, избавившего Славянские народы от очаромутения; и как следствие оной, мы никогда не были подчинены игу

иноплемеников (за исключением западных племён). А если оно и налагалось: то было условное, при сохранении своего правления и вместе непродолжительное.

Одно остаётся заметить: Великороссияне, т.е. Славянское племя самое многочисленное и мужественное, до времён Петра I имело о себе и своих предках высокое понятие; основанием его была народная гордость, и, конечно, древнее неопределённое предание сотен поколений о первобытности их языка и обычаев (8). Сие доказывают мелкие сочинения их учёных 17 века; ныне мы давно их опровергли, а тогда совершенно им верили: главное, сии сочинители в точности следовали преданиям Русского Двора, Двора единственного в мире, испытавшего столь мало потрясений в основных своих уставах и обычаях. И потому во время преобразования, когда противоположные чувства овладели всеми, возможно ли было заимствовать им от Запада одни науки, искусства, художества, не уничтожая своих обычаев, преданий, домашнего быта, и не повреждая чистоты языка своего? – Конечно. И должно прибавить: один миг воли человеческой может рушить то, что сохранялось с толикими жертвами и постоянством тысячелетия. Что же касается до языка Русского, то я обязанностию поставляю сказать сущую истину, и истину, разумеется, не всякому приятную: всем не угодить. Итак, прежде, нежели объясню чаромутие, начну с нашего языка: прежде должно сказать о его лицевой стороне, а потом об изнанке; прежде о живом и старейшем, а потом о его порождении. Русский язык особенно достопримечателен по двум обстоятельством: 1-е, им говорят более 50 тмней жителей, или 2/3 нынешнего Славянского населения; 2-е, со времён Христианства он совершенно усвоил себе так называемый Славяно-Церковный язык, или язык славян Малоазийских, который, впрочем не есть первобытный, но довольно к нему близкий; он так же подвержен был чаромутию как и Русский, и так же как и сей последний, освободился от оногo, удержав многие первобытные гранесловные образимы (*formes grammaticales*), и есть памятник языка Малоазийцев по крайней мере 4 века, следовательно довольно древний. Сей язык и в глубокой древности был самый ближайший к нашему, хотя и имел различное от оногo чаромутие. К сожалению, из сего древнейшего языка мы заимствовали только слова, которые находятся в (священных и Богослужбных) Христианских книгах; посему наследовали только малую часть его богатства. Потеря чрезвычайно важная! Мы читаем по-Славянски по своему собственному выговору и произношению, т.е. так, что ни Фригийцы, ни Киликийцы, ни Понтийцы многого из нашего чтения не уразумели бы; но должно знать, что древнейший наш выговор мало в чём от них отличался, так напр. а мы приносили носовым *он*, а они *ан*; как ныне Болгаре. Не взирая на союз языков, столь между собой сходных по гранесловным образимам, не взирая на усилия Духовенства сохранить наш язык от искажений, в 13 или 14 веке потеряно в нём двойственное число, почти в одно время как и в Чешском языке, а вместе с ним и другие первобытные образимы, особенно в окончаниях глаголов; потом начали забываться причастия. И не удивительно: сии веки были самою худшею годиною для всего славянского народа! Едва-едва он не погиб! Татары, турки, Немцы со всех сторон истребляли его, обогащаясь его достоянием.

Напоследок переобразование, произведённое Петром Великим в быту русского народа, имело самое сильное влияние «на мать языков мира». Юным Царём оно было сделано скоро и неожиданно. Россияне были уверены, что Голландское, Латинское словцо непереводаемо, незаменимо своим собственным, а должно было принять его как есть, даже с окончанием *ус*. Такое обыкновение продолжалось и в царствование Анны Иоанновны. Казалось, всё уже невозвратно потеряно, когда Русский Геркулес Ломоносов, между многими другими «работами» очистил от иностранного *сору* Русский язык столько, сколько сие мог сделать частный человек, и повёл его под одно из наречий - Великороссийское (9). Карамзин не менее имел рачения о чистоте Русского языка, о его самобытности; и всё время речетворной деятельности сего знаменитого писателя есть золотой век Русской Словесности. Мир праху твоему, великий муж! Ты достойно стяжал венец славы и благодарность потомства!

Кроме сих образователей языка, многие Русские писатели и люди учёные, просвещённые, одарённые высшим умом и высшими пред посредственностью чувствами, не переставали действовать против излишней привязанности к чужеродным обычаям и предпочтению Французского языка и против искажения языка природного.

«Московский Телеграф» стал писать иначе, заверяя: «напрасно-де многие нападают на Французский язык» и проч. и проч., и начал превозносить Французский язык. Эта защита одних удивила, а другим польстила. Затем, тот же «Московский Телеграф» или редактор его (извините: ей, ей это слово «непереводаемо»), взяв большой гвоздь, вбил его в Русскую речь и назвал «*фактом*»: за что впоследствии и получил торжественную благодарность от одного преискусного Словесника при многочисленном собрании почтеннейшей «публики». Северная Пчела приклеила факту хвост: *ически*; он с этим хвостом, или опашнем, употребляется сообразно надобности. Всякому известно, что этот г.

фактум соответствует Французскому *fait* и есть рычажок, помощью которого движется «разум» Французской речи. Без *fait, raison* и т.п. Француз не может обойтись: мы также имеем слова, правящие умом, разумением нашей речи, без которых она не имела бы ни жизни, ни народности, и не может даже назваться Русскою. Сих слов из иностранных языков не должно принимать даже и в переводе; иначе вы разрушите «разум» своей природной, племенной речи. Слов, управляющих разумом речи (за ними следует уже её склад и оборот, образующие слог), находится у нас преизобильно в древних летописях наших, в трёх главных наречиях Русских и в других Славянских языках: избирайте любые! В Словарях они должны обозначаться: не мешало бы собрать их из вышеописанных первоисточников и издать; тогда бы мы убедились в превосходстве, силе, замысловатости, разнообразии и богатстве их. Тогда же и где-то найден был Полевым, и пригвождён рядом к факту – «результат»; кончание к нему ещё не придумано, но он более других бушует и неукротим. За ним следует заржавелый «элемент» – кто дал ему окончания: *элементарный, элементарно*, тот достоин великой похвалы; потом «тип с прототипиею» с окончанием *типический*, как уроженец *Аттический*. Сам г. Булгарин, в одном из своих сочинений, по делом осмеял «резон» и изгнал его из Русского языка, как вдруг в Северной Пчеле «резон» въехал четвернёю: *резонный, резонно, резонабельный, резонировать*. Помилуйте, что за лихва!.. Уходёрные: *эффект, эффектно* принадлежат к сему же семейству. В первые годы своего появления Северная Пчела, по примеру других, грустила о вторжении в наш язык Французчины, потом становилась приметно веселее и «*gracieuse-нее*»: что за налог плакать сто тридцать пять лет! Когда какой-то «конституционный» Король говорил своим подданным какую-то речь, и употребил слово *civilization*; то Северная пчела перевела его «цивилизациею». Русские удивились, что на их языке не было такого словца, как «цивилизация». Сим оканчивается первый облоход (период) нового образования нашего словаю.

Появлением журнала «Библиотеки для чтения» начинается второй. Первая мера им принятая была та, что все Русские слова, руководившие разумом нашей речи, были изгнаны, и заменены Французскими, как вышеприведёнными, так и множеством других. А чтобы иногда от сего Руси не взгрустнулось, Барон Брамбеус занял публику спорами о словах: *сей* и *оний*. Все удивляются, как может длиться одна и та же шутка более десяти лет! – А разве для такого употребления переменяются шутки? – Никогда! ...они одни и те же и древнее Царства Кесарей Римских. Ничего однакож не потерял от того язык и слог великого Карамзина! Нет! Твой язык и слог не умрут, а взойдут выспрь и выспрь: ими будет гордиться весь свет. Отныне, что истинно Славяно-Русское, то есть достояние всех народов.

Вот ещё чем знаменуется этот облоход: то чувство, которое заставляло русских писателей жалеть об искажении и пренебрежении своего отечественного языка, то самое чувство никогда не покидало их и относительно Славянских народов. Как прекрасно, как благородна сия черта! Для них Славянин есть кровный брат, друг, приятель, сокровище! Подобно двум странникам – друзьям, встретившимся после кораблекрушения, они друг в друга всматриваются, «чудятся», расспрашивают и, возблагодарив Бога за своё спасение, навсегда остаются неразлучными. Пересмотрите все прежние Русские сочинения, книги, журналы, и вы ничего кроме сих чувств, касательно Славянства, не отыщете. Кроме чувств родства, чувств природы, которые никто не в силах уничтожить, мы проникнуты к своим братьям и чувствами доброжелательства: ибо некогда и предки наши находились в подобных обстоятельствах: загляните в быстьворь (историю) нашу. Русские в первый раз в жизни прочли «в Библиотеке для чтения», что есть между ними «Славяноманы», т.е. сумасброды, помешанные на Славянстве, иначе – люди, достойные осмеяния. Заметим, что в то время, когда большая часть Русских слов была замешена чаромутием иноязычным, со стороны Русских не было совершенно никакого противодействия – никто ни словечка! Эта покорность, эта добровольная жертва возвысила воинственный дух нападателей: видя везде победу, не имея нигде препятствий, естественно они пошли далее! Все знаменитые учёные Западных славян и все Россияне, трудящиеся в исследовании наших летописей, языков, древностей были осмеяны, названы Славяноманами. Толпа зрителей, собравшаяся мирь, сердечно хохотала!... После трудов будничных как-с не позабавиться по праздникам! Многие Россияне опять начали замечать, что и эта шутка длится уж слишком десять лет. Справедливо...

Казалось, всё уже было употреблено к порче Русского языка: следующее обстоятельство, по видимому благоприятное, имело на него столь же невыгодное действие: давно ожидали полнейшего Русского словаря; Академия наша медлила; появился в 1836 году Русско-Французский словарь Рейфа: толкования слов в нём на «Французском языке», т.е. на том языке, без которого, в наше время, юный Россиянин полагает, что нет спасения, видя тому пример в новейших основаниях своего собственного.

Хорошо, начнём же изучать свой природный язык из Французской книги, которую писал иностранец, весьма плохо знающий по-Русски. Впрочем, он руководствовался одним опытнейшим нашим речетворцем и многими другими Русскими вежесловами (филологами). В этом словаре совершенно выявляются тогдашние мнения инородцев о нашем языке: Скандинавщина в нём весьма часта и какой-то Готский язык, наиболее заметно в нём Татарщины и Туреччины! Бедный наш язык, ты всё почерпнул из этих премудрых источников! Это не словарь, а нарекание Русскому языку. Но избирайте какие угодно языки, и руководствуясь одной только «чарной истотью», можете получить то же сближение и даже лучшее. О корнесловии Рейфа нечего и говорить оно: было очень рановременно. Да и впредь гг. составителям словарей советую быть осторожными: сообенно не искажать слов, не отсекаать от них предлогов и других соэзий (союзий), и не выдавать их в таком виде за коренные. Всего лучше такое соэзие обозначать искосью (курсивом). Разрешите моё недоумение: есть ли в Русском языке *верти, зана, рожай, жасити, дуг* и т.п. если нет, то руководствуясь словарём Рейфа и Русский и Славянин легко могут обмануться, а там ищи виноватого. Наконец, Рейф сделал то, чего у Российской академии и в помысле не было: он собрал из всех возможных книг и журналов, давно позабытых, и по большей части не выходявших далее рогаток Петербургских, весь иноязычный чаромутный сор Французский, Латинский, Итальянский, Голландский, Английский, Немецкий, и принял его в своём Русско-Французском словаре. Лучшего названия нельзя было и придумать: это точно Русский, но какой-то Русско-Французский язык! Превосходное руководство для нынешнего времени! Теперь, по прошествии десяти лет, если бы этот словник «пополнился», то можно бы по нём изучать Французский язык. Областных слов не Славяно-Русского происхождения также не следовало бы включать или поместить бы их в особом отделении: их никто не понимает. То же должно сказать и о Татарских, сохранившихся только в старинных современных рукописях и архивных бумагах. Издатели «Сына Отечества и Северной Пчелы» гг. Греч и Булгарин долгое время сохраняли чистоту Русского слова; но пример «Телеграфа», а потом «Библиотеки для чтения», увлѣк их. В Северной Пчеле объявлено было: «что каждое слово (т.е. хоть Башкирское) для нас хорошо, под статью, лишь бы только оно выражало удачно смысл передаваемого предмета». Конечно правда, но чтобы разуместь сей смысл, должно знать и те языки, из которых взяты чаромутные слова; для этого не достанет и жизни человеческой. Слабое утешение!..

Сии писатели, славящиеся – г. Булгарин нравоучениями и народностью, г. Греч знанием Русского языка, могли бы легко отстоять чистоту языка, каков он был во время Карамзина, - и орудия, обыкновенно против него направляемые, - «недостаточность, непереводимость, незаменимость», употребили бы против его противников. Но что же они сделали, владея наилучшими средствами? – защитили Русское правописание от вторжения французского! Известно, что «Библиотека для чтения», а за нею другие журналы пишут, напр. зрек, все равно что жук. Благодарим защитников правописания! Весьма легко за букашками не заметить слона.

Каждый день прибывали и поселялись в наш язык иностранные чаромутные слова, замещая и изгоняя наши. Невозможно исчислить сих незваных гостей: индивидуал, конкуренция, нормальный, индифферентный, актуальный, атрибуты, эксцентричность, индустриальность, абсолютный, реакция, рутина, гарантировать, объект с субъектом, конвенция, администрация, тривиальность, бубсистенция, карбонат с гидратом, сеанс, фон, континент, реальный, амфибия, компрометировать, контуры с штрихами, автопортрет, модификация, дефениция, коалиция, момент, экспрессия, эрудиция, регула, культура, колекта, аксесоар и проч. Особенно хорошо звучит слово «популярный»: оно введено газетчиками в отличие от слова «народный», племенный; *populaire* по нашему мирьской, отсюда мирьская сходка (от древней мири, миржи; отсюда же первобытное летомиръ - ярмарка), это слово не так ужасно в переводе, как полагали: оно само обыкновенное! Что ж тут чаромутить! Слава Богу, Вера Христианская давно совободила нас от чаромутия!

Удесятерено употребление прежних: интересы, продукт, операция, специальный, термин, сурьезный, кондиция, персоне, штука, аккурат... Более всего «упростились» переводы с французского; для журналиста это большая находка, а для переводчика и того лучше.

Давным давно наш язык мог быть образцом чистоты, но беда ему в неимении единства; если кто весьма удачно замещал Русским иностранное слово, то другой переиначивал, а третий смело уже кончал иноязыччиной. Это значит, ни мне, ни вам. К отвращению конечной траты нашего языка (ибо никакое в свете красноречие тут уже не пособит) гораздо было бы полезнее, если бы такие диковинные журналы и газеты издавались на Французском языке. У нас он читается также, как и Русский: следственно, выгоды издателей не могли бы «пострадать», а наш бы отдохнул от тарабарской грамоты. Можно было бы допустить к ним в виде прибавлений и Русские приложения, с тем однако,

чтоб гг. переводчики подписывали свои имена, а до того получали бы свидетельство от Российской Академии или от одного из наших Университетов в знании Русского языка и по крайней мере одного из живых Славянских: сим «матерь языков мира» была бы достойно почтена (10).

Появление в нынешнее время журнала «Отечественных Записок» положило основание третьему и последнему облоходу теперешнего Французско-Русского языка. Ни «Телеграф», ни «Библиотека для чтения» – ничто против него! Он просто-запросто большую часть Русских слов заменил Французскими, Немецкими, Латинскими, а слог и оборот речи ввёл совершенно Французский (11). Всё таки он остался бы неприметен, еслиб не вздумал опередить Брамбеуса. Дело вот в чём: он уже коснулся властеправия (политики). Что за находчивость и сметливость! Завоевания Брамбеуса не простирались дальше насмешки над Славянством; ответу ни от кого не было: мирь до слёз смеялась да и шабаш. Журн Отеч. Записки начал, минуя Русских, следующею речью к Славянам: «Что вы за народ?... бедняки?... Вы давно потеряли «субсистенцию»!... У вас ничего нет!... О! если так, послушайте, скажу откровенно: вы и поныне говорите на языках для меня неприятных, а могли бы давно выучиться по-Немецки да по-Турецки». За сим следует предсказание оуоставлога (оракула): «Вы никогда не достигнете ни народности, ни самобытности, и не думайте, и не воображайте... Я то знаю...» Обращаясь к Русским гласят: что за Славянщина у вас завелась! «цивилизация» гибнет, понимаете ли, что за «цивилизация»? – всмотритесь – она в моей шкатулке...» -М. Г. журнал Отечественные Записки! Если в России можно вам корить Славян, то в России могут тоже вам сказать, что такие нападки вовсе в ней неуместны: посылайте свои суждения прямо в Немецкие Газеты. Что же касается до «Цивилизации», так как вы её запрятали: то у нас есть своё просвещение, от Единого Светила исходящее; Оно в мнимой и прислужливой вашей «реакции» не нуждается, отсторонитесь и укрепите себя «контрфорсами», с Ним бо идти не успеете.

Прощайте же: факты, эфффекты, результаты, элементы, цивилизация, культура, эрудиция, реакция, и проч. и проч. чаромутные стада, топчите пажити, оставленные Карамзиным: давно я дал себе зарок, не брать в руки ни одной Русской книги, ни печатного листа, где вы находитесь, и надеюсь никогда с вами не встретиться.

Теперь обращаю к чаромутию (12). От сотворения мира род человеческий имел один всеобщий язык – Славянский: *и бе вся земля устне едине и глас един всем.* Кн. Бытия XI, 1. Господь смирил гордость человека смешением языков. Сие смешение есть чаромутие. Заблудившиеся люди начали на оных восхвалять языческих богов своих, уклоняясь от Бога истинного, до тех пор пока, по воплощению Слова Господня на земле, по ниспровержении кумиров и по водворении Христианской веры, чаромутие исчезло с лица земли; и одни Славянские народы, по воле Творца, хотя частью и имеют в своих языках печать чаромутия, перста Божия, - но совокупно удержали совершенно Первобытный язык.

Первобытный язык рода человеческого, если сравнить его с Русским, имел ещё семь звуков, которых в последнем недостаёт: следственно его азбука (или алфавит) заключала в себе около сорока звуков или букв. Тогда языческие жрецы и главы народов, желая приписать себе славу изобретения оных, также быть основателями новых царств и языков, на которых установили восхвалять своих идолов, сократили первобытную азбуку более или менее половины и, по поущению и воле Создателя, установили её читать следующим образом:

1. Каждую букву или *прукгу* должно было точно так выговаривать как она есть (13).

2. Писать ими слова Первобытного языка от правой руки к левой, а читать, за исключением окончаний оных, от левой руки к правой, и наоборот. Таким образом должно было и говорить. Наприм. писалось *муча, напяча*, а выговаривалось чума, епанча: это и есть чаромуть.

3. Когда слово Первобытного языка писалось нововымышленными чарами и читалось не в обратном порядке, тогда оно должно было произноситься не по прежнему выговору, а совершенно сообразно чарным звукам. Напр. писали: зверевый, страждь – а выговаривали по чарам – свирепый, страсть: это есть чарная истоть; а прямая, или собственная истоть есть каждое слово Первобытного языка, сообразно его выговору произносимое.

4. Когда мы раскроем словарь какого бы ни было языка, то можем видеть в нём чарную истоть и чаромуть, как бы перемешанные в беспорядке: сие свойство есть смешение. Ежели в каком языке более чаромути, нежели чарной истоти, то он есть истотно – чаромутного смешения; а напротив – чаромуть – истотного.

5. Чаромуть делится:

a) На простую, или совершенную: сонм = множ; паутина = нитьваба.

b) На усечённую: ночь = чорнь; сор = прош; пращ, т.е. буквы *n* и *p* в сих словах усекаются, опускаются.

- c) На перестановочную: когда одна из гласных или согласных букв переставляется через другую, тогда должно её переместить от правой руки к левой или напротив: гриза = зрига; густый = стугий; густота = стугота.
 - d) На получаромуть: в словах совокупных или союзных, когда одно из них выговаривалось чаромутью, а другое истотью: перламуть = сребламуть, сребрамуть. Она находится более в языках народов очаромутившихся (14).
6. Чарная истоть делится:
- a) На простую, или совершенную: конь = гонь, колокол = гологол, глагол.
 - b) На усечённую: луна = лучна; котва = котхва; десница = держница; капля = крапля, т.е. в этих словах буквы *ч, х, р* – усекаются, опускаются.
 - c) На перестановочную: когда одну из гласных должно переместить от левой руки к правой или от правой к левой: гривна = гирвна, гард = град; облый, огромный = болый.

Недостаток полного числа чарных звуков для выражения Первобытного языка, с коим в благозвучии и богатстве далеко не равнялся ни один из чаромутных языков, произвёл «чарное онемение», которое есть ничто иное, как его полужук и даже треть звука или простое его искажение, так напр.: звук *рж* переходил в *жс*, а *р* отбрасывалось; *дъжъ* переходил в *жс*, *з* или *д*; *тъжъ* в *жс*, *з* или *т*, а нередко в *д* (16).

Чаромутие делится: 1-е, на главное, или повсесветное, происшедшее прямо от Первобытного языка; и 2-е, на почаромутность, происшедшую от главного чаромутия. Первое уже объяснено, а свойства почаромутности суть следующие:

1. Когда нововымышленными чарами, напр. чарами Таута, следовало в чаромуть обратить чаромуть главную, тогда образовывалась из неё чарная *поистоть*. Напр. хвала есть главная Славянская чаромуть «слова» (а первобытно «слогва»), которая соответствует Лат. *fama*, Греч. *kleos*, а альфа или альф есть её чарная *поистоть* (15). Пух есть чаромуть хлупа, волоса, а шуба чарная *поистоть* пуха, пушного товару.

2. Когда по сим же чарам следовало обратить в чаромуть чарную истоть, тогда образовывалась из неё *почаромуть*. Напр.: кус, кусок есть чарная истоть собственной истоти *круш*, *крушок*, от крушить, ломать, а сук, сучок есть почаромуть куска, куса.

Почаромутность несравненно далее отстоит от первобытного языка, нежели чаромутие главное: ибо она прошла через два чарных алфавита, а последнее через один.

Главное, или повсесветное чаромутие, только отчасти коснулось языков Славянских, а почаромутность весьма мало и оставила в них только слабые остатки. Хотя языки древних европейских и других народов суть почаромутные; но так как они образовались от главного, которое было для них Славянское, т.е. несовершенное, и потому можно справедливо назвать их чаромутными, за исключением Еллино-Греческого, который более принадлежал к третьему образованию. Ежели Латинский, Коптский, арабский языки в праве называться чаромутными, то к такому разряду едва ли могут причислиться некоторые мнимо древние, напр: Санскритский, священный язык Брахманов и Зендский; полагаю, они составлены из почаромутности языков Индийских и Персидских народов, и следовательно суть четвёртого образования. Полагаю также: что священный язык Зороастра – Острозора едва ли был схож с нынешним языком Зенда – Весты.

Чаромутие касалось не только слов, но и всех гранесловных образим, так что из него выходил совершенно другой язык. Однако ни слова, ни образимы никогда не выдумывались Магами, Князьями – перелицевателями, кроме того, что они давали им не редко другие, но всё таки Славянские названия; сии новые названия всегда тождественны или же, по их мнению, более определительны. Напр: у нас рука = брага, брача, тоже что у Французов *bras* = браш, а у Латинян *manus* = иман; первое слово происходит от глагола брать, а второе от имать. Гранесловные образимы подвергались тем же ухищрениям: они были и чаромутные и чарно – истотные со всеми своими подразделениями и полагались или в конце слова и облоходов или в начале, как то угодно было первому перелицевателю. Отсюда образовался «член» в язаказ Арабском и Западных Европейских народов.

Когда священный чаромутный язык был составлен, и «переписаны» были на нём, разумеется с изменениями, отменами и переименованием, уставы веры, обрядники и обычаи, коими должно было руководствоваться, также первобытные предания и быстьтворь народов, приносившая к частности и тщеславию того народа для которого установлен сей новый язык; то, должно полагать, Первобытный язык долго хранился у жрецов для руководства к чаромутному и составлял их нерушимую тайну и даже таинство, а чаромутный оставался богослужебным, а потом мало по малу правительственным, общественным, семейным в высших включениях племени и вместе с черо- или рече-

творным, а наконец обще-мирьским. Когда сей чаромутный язык по крайней мере через одну или две тысячи лет таким образом навсегда укрепился и соделался племенным, в то время в Первобытном не было уже надобности: он забывался и сохранялся только на ветхих плахтицах (хартиях) в капищах, гардах, местах уединённых; напоследок нашествия неприятелей, войны, пожары, а более время всеконечно его истребляли. Но предания о его свойствах были свежи: жрецах хорошо сие было известно. Тогда честолюбивейшие из них, будучи вместе и владыками, ряджами царств, изобретали новые или переиначивали старые чары и, выдав себя волхвами, «чертевлдами», пропускали главно-чаромутные, на уже племенные, «книги» сквозь свою почаромутность, с новым в содержании их переиначиванием, сообразно «блроправному» положению (подъидвости) своего народа и его понятию, а вящше сообразно своим желанием. Разумеется сия почаромутность вводилась с помощью кровопролитнейших войн против тех народов, которые не хотели оную принять и держались старых преданий: сии войны могли длиться целые столетья.

В почаромутности существует то же самое смешение, какое и в главном чаромутии, т.е. в ней находятся в беспорядке почаромуть и чарная поистоть. По видимому сия почаромутность была вообще не так уж сильна и исключительна, как чаромутие главное: сквозь почаромутность пропускались только нужные для Мага слова, и устранялось новое гранесловие; но главнейшее изменение было в свойствах звуков чарных, которых напр. в Индии, явилось более. Чаромутное слово, по сим чарам произнесённое, становилось «обширнее»: это есть почаромутное звукорасширение. Когда жрецы опасались, чтобы их почаромутность не соделалась, подобно главному чаромутию, племенную, не произвела бы тех же самых последствий, и не подрывала бы их выгод: тогда старый чаромутный язык они оставляли по прежнему общественным, а почаромутность употребляли одни духовные лица и учёные.

Главных чаромутных языков было гораздо менее, нежели почаромутных; первые из них занимали огромнейшие пространства земного шара и делились:

1. На собственно-Славянское, или несовершенно чаромутие; к нему приадежали: Европа, малая Азия, Сирия, Персия, вся Индия, Аравия, Египет, Нубия, Абиссиния, Северная Африка.

2. На Славяно-Калмыцкое, или Монгольское; к нему принадлежали: языки Монголии, нынешний *мнимо*-Персидский, который есть ничто иное, как чисто Татарский, принявший несколько слов древнего Персидского языка. К сей отрасли принадлежат языки: Венгерский, Татарский, Турецкий и в началах своих Немецкий (17).

3. На Славяно-Японско-Китайское, или совершенное.

4. На Славяно-Африканское остальных народов Африки.

5. На Славяно-Американское. Сии два последних разряда имеют свои деления.

Важнейшие чарные, или речные свойства главных чаромутий суть следующие:

1. Буква, или пругва, Рцы не редко произносится как наш ч (червь).

2. Буква Рцы произносится как ст.

3. Буква Рцы опускается, а на место её вставляется с или ж или сходственные с ними звуки. – Это есть чарное онемение (см. выше).

4. Буква Рцы совершенно опускается: а) в начале слова; б) в середине оногo (18).

5. Буква Червь в середине слова опускается.

6. Буквы Буки и Покой опускаются перед Рцы.

7. Буква Твердо опускается перед всякою согласною в начале слова и проч.

8. По большей части все гласные в начале слов опускаются.

Из сего явствует, что в главных чаромутиях преобладает: 1) усечённость некоторых букв в словах Первобытного языка; 2) усилие, дабы каждое слово имело таинственную, но верную определительность; и потому для лучшего успеха придуманы превращения, изменения и опущения буквы Рцы. Сия-то таинственность в определительности слов сохранялась у одних жрецов; мирянам она была неизвестна, или, по крайней мере, весьма мало. Таким образом, чтобы хорошо знать свой язык, требовалось или быть жрецом, или быть посвящённу в их тайны.

Обращаюсь к нашим Славянским языкам, которые только частью или несовершенно подверглись главному чаромутию. Каким же образом они от него освободились и не взирая на величайшие несчастья, сохранили так удивительно и безпримерно Первобытный язык? Повторяю: Божьим Промыслом, коему угодно было сохранить оные, конечно для показания несправедливости мутисловов лжевеж, уверяющих о древнем невежестве и дикости рода человеческого. Самый древний памятник нашего языка есть в истоти Финикийский алфавит Таута, Мага, или как угодно назовите.

Положим, что Таут из него начал новое чаромутие за 3000 лет до воплощения Слова Господня, то будем иметь образец своего языка почти за 5000 лет. Не стану исследовать, сколько мог породить чаромутных языков сей алфавит, но об истоти его скажу, что она есть самая близкая к Славяно-Церковному, или языку Славян Малоазийских, следственно совершенно подобная и Русской, так что у нас её поймёт и десятилетнее дитя. В сём чарном алфавите в глаголах настоящего времени в третьих лицах для краткости усечены окончательные частицы *ть*, также точно, как в прочих здесь приведённых алфавитах.

В то время когда Таут начал новое чаромутие, наш язык был уже совершенно образован, т.е. подвергся уже чаромутию главному и конечно гораздо прежде Таута. Напр: «Псы», в *пес*, есть наша чарная истоть = *бреж* от *бреши*, *беречь*; сие слово соответствует в чаромутии Коптскому, или Египетскому, *oubog* = *брохв*: в первом опущено *p*, а во втором *b*. Одно только «Псы» Таут оставил в главной чарной истоти. *Омега* = *земо*, *зимою*: но слово *зима* есть само по себе главная усечённая чаромуть и = *мерза*, от глагола *мёрзнуть*, и потому *Омега* есть уже *поистоть*. А вообще чаромутный язык Таута есть третьего образования или почаромутность: но так как он составлялся из собственно Славянского несовершенного чаромутия, то посему язык Таута, какой бы он ни был, можно признать чаромутным, но всё-таки третьего образования. (19).

Был ли до Таута ещё один древнейший «чарный» алфавит? – Был: поелику в нашем Славянском, или второго несовершенного образования языке, ещё далеко до Таута имелись чаромуть и чарная истоть.

Языки Славян Малоазийских и Русский имеют печать, по видимому, одного и того же главного чаромутия, а может быть почаромутности, именно: в том и в другом первобытный звук *ř*, *рж*, потерпел чарное онемение и обратился в простое *p*; посему, существование *ř* удержалось только в самом чаромутии, например чарная главная истоть *перст* = *бержть*, от глагола *братъ*: у Чехов в насоящем времени оно – *бержеш*, *бержете*, *бержеме*, а не *берёшь*, *берёте* и проч.; у Коптов в чаромутии *tsib*, *палец* = *берст*, *бержт*. Также в звуке *дьж*, *жьд*, по чарному онемению, он переходит в простое *d* или *ж* и даже в *s*; так чарная истоть *страсть*, *мучение* = *страждь*... Читатели легко найдут и многие другие примеры в Славяно-Русском чаромутии. Первое свойство есть *картавость* (20) *рцы*, а последнее *дребезжание*, перешедшее в последствии в простое и довольно неприятное «*дзеканье*».

Можно достоверно полагать, что Малоазийские Славяне только писали чаромутно сии согласные, а выговаривали по Первобытному языку, и что только по привычке к чарному онемению сей выговор, через тысячелетия, мало по малу уничтожился, и в то же время, когда из его почаромутности совершенно образовались все вышепоименованные языки, как то: Греческий, латинский, египетский и т.д., которые сочинены на *картавости* и *дребезжании* чарного онемения. То же должно разуметь и относительно образования всех языков рода человеческого. Не все однако Славянские народы приняли такое чарное онемение: *Поляки* и в конец уничтожающиеся *Кошубы* и *Лужичане* удержали до сего времени первобытные *картавость* и *дребезжание*. Так точно говорили и другие Славянские народы, обитавшие у Балтийского и Немецкого морей, в нынешних Прусском и Ганноверском Королевствах. Сверх того Чехи удержали *картавость*, *Белорусцы* *дребезжание* (*дзеканье*), у *Лужичан* оно употребляется совершеннее.

Необходимо объяснить ещё одно свойство Первобытного языка, которое по той же причине могло подразумеваться, а потом отбрасывалось в Славянском Малоазийском письменном языке. Оно вполне и в обоих чарных онемениях до сего времени сохранилось в Малороссийском наречии; без него *лежословное разочаромутивание* не может иметь совершенного успеха, ибо оно вошло во все чаромутные языки, а именно: 1) Если в Первобытном языке, напр. имя существительное находилось в прямом падеже и над слогом, имевшим *o, e*, было ударение острое: то сии гласные обращались в звук *ö*, *ë*, т.е. в *койность* (21); 2) *койность сия*, должно полагать, оставалась не редко и в косвенных падежах, когда непосредственно за звуком *ö*, *ë*, следовали две согласные; в подобном разе она случается более в языках чаромутных. Римляне говорили с *койностью* и без оной, следовательно и они её начали отбрасывать: *volpes* и *vulpes*, *voltum* и *vultum*.

Прямый, или первобытный койный звук был в гласной *ö* = *уи*, а в гласной *ë* = *и*. А в чаромутии *ö*, произносилось в половину, т.е. как *у* или как *и*: это есть первая и вторая *койность* чарного онемения (22).

Есть ещё и другие особенности, отличающие главное наше чаромутие от Первобытного языка; но здесь довольно заметить, что предки наши принимали только истоть и чаромуть главного чаромутия, строго придерживаясь первобытного выговора и такового же *гранесловия*, так что сие

чаромутие не охотно принималось, и было у них только языком священным и письменным, а не племенным. Быть может, было время, когда язык первобытный начал превозмогать главное чаромутие; тогда явились новые сильнейшие, которые навсегда отделили от нас многие Европейские, Азиатские и Африканские великие племена, и прородили языки третьего образования. В сие-то время Болгарское (Фракийское) племя, занимающее и поныне почти всю Македонию и Северную Фракию, из своей почаромутности произвело Греческий язык; Сербское – Эпирский и Албанский; Славяне Восточной Малой Азии – Армянский и отчасти Грузинский и т.д.

За сим должно исключить тех Малоазийских Славян, которые «не успели» из себя образовать почаромутных народов, или «языков». Они суть следующие: Вышанцы (Виефанцы), коих страна примыкала к Босфору Фракийскому; Людины (Лидийцы), славившиеся своими мусикийскими «гласами»: певца добра милуют Бози! Брегийцы или Горжяне (23), музыка которых составляла середину между Людийскою и Дорическою, и была воинская, гордая; Поблагонцы (Пафлагонцы) (24), так названные по обилию страны своей; Понтийцы, Капиадокийцы (25), Киликийцы и др. Геродот свидетельствует (кн. II, 2), что язык Брегийцев был древнее Египетского; предания о сём, кроме баснословного, он не мог привести: ибо это была тайна веры древних языческих народов. Вообще даже собственные имена Славян малоазийских суть более истотные. Они не очаромутились по причине частых властеправных волнений, коим подвергалась их страна: влиянием языков Египетского, персидского, греческого более и более ослабевалось их племенное чаромутие; так что Христианство застало их, подобно как и нас, чистыми истотными Славянами; хотя их язык уже и пострадал несколько от Греческого, который был правительственным. Наконец Турки истребили их (26). Во времена нашего летописца Нестора, полагаю, во всей Малой Азии жила, по крайней мере, пятая часть населения славянского: при султани турецком Магомете II одна десятая, а лет за двести перед сим и совсем оное исчезло. Я не отчаиваюсь однако, чтобы в горах славной Горжвы, или Брегии и вообще во всей средней и горной Малой Азии не возможно было найти живых остатков Славянского языка. Почтим же ныне, елико возможно, память братьев наших давно позабытых и умерших на лоне Православия!

Когда все народы, или справедливее, их маги, князи, черчи, оставили главное чаромутие и принялись за почаромутности (разумеется не в одно время); тогда и мы Русские подверглись своим собственным. Первая почаромутность была общая для всего Русского племени: к Юго-Западу в Паннонии она граничила со Словацким племенем, в Дакии за Дунаем с Булгарским, и оставила в истотном нашем языке «почаромутное звукорасширение»: брада, брода = борода; врата, врота = ворота; глава, глова = голова; чрево = черево; чревик = черевик; чресло = чересло – благозвучие, отличающее и Чудский язык. Сокрушилась и сия почаромутность, и конечно вместе с нею властеправное устройство племени нашего с его языческим верованям: настала опять другая почаромутность, которую можно назвать Карпатскою. Она разделила наше племя. Её приняли следующие славянские роды: Юго-Западная, или малая Русь, Новгородцы, белорусцы, Словаки, моравцы, Чехи и Верхние Лужичане: отпечаток оной в истотном их языке оставался в исключительном употреблении буквы г (h). Великороссияне остались при старой почаромутности, впечатлев в истотном своём языке исключительное применение буквы г (g). Истребилась и Карпатская почаромутность; настала третья; её приняли: Малая Русь, Новгородцы, а по временам присоединялись к ним Словаки, Моравцы и Чехи. Отпечаток оной в истотном языке двух первых племён: исключительное употребление гласной *и* вместо *и* (27); в прямом выговоре гласной *о*, как по гранесловию Славян Малоазийских. В сие время Великая Русь уничтожила первую почаромутность, и с Белорусцами составила новую: отпечаток оной в истотном языке сих племён есть исключительное употребление Ъ, как по гранесловию Славян Малоазийских, и в переходе гласной *о* в *а*.

Сии две последние Русские почаромутности застала Христианская Вера и обе ниспровергла, уничтожила, и тем остановила конечную гибель Первобытного языка: Господь в гнев своём сжалился над ним и паки возвеличил. первая у Русских племён почаромутность началась с Северо-Востока и по видимому породила у Великороссиан различные Чудские «языки». Третья (Малорусская) и четвёртая (Великорусская) и по принятии Христианства были, вероятно, ещё долго в употреблении, особенно в высших включениях: ими продолжали говорить только по давно заведённому обычаю, как языками благороднейшими, «приличнейшими». Я производил разбор почаромутным припевам песен Велико и Мало-Русских: истотная речь в них древняя Русская; но самая почаромутность не имеет сходства ни с каким языком. Если бы Славяне не приняли Христианской веры, и почаромутность, без других посторонних причин и иноплеменных влияний продолжалась бы своей чередой: то первые очаромутились бы Сербы, потом Бялгаре. У нас великороссийское наречие более прочих готово было

оборотиться в другой язык. Малорусское племя не произвело ни одного чаромутного языка; оно подверглось трём почаромутностям и ни одна не пустила глубоко корней.

В сем сочинении я разделил Славяно-Русскую чаромуть и чарную истоть на три отдела: 1) слова, не означенные в скобках прописью, суть обще-Славянск и яили обще-Русские; 2) те, которые в скобках означены Великороссийскими, суть *почаромутные* слова, неизвестные Малорусскому племени, следовательно не принадлежат к его почаромутности, хотя бы и известны были другим Славянским племенам; 3) означенные Малорусскими суть те, кои неизвестны у Великороссиян, хотя бы они известны были и у других Славян. В Русский язык навсегда должно принять вся главную чаромуть и чарную истоть, и по воле писателей остатки первой Русской почаромутности; почаромутность вторую и третью Юго-Западную Русскую и четвертую Великороссийскую должно обратить в прямую истоть или занять соответственные истотные слова из других Славянских языков; иначе это будет уже излишняя тягость для языка, повредит его чистоте. Напоследок, все коренные с их производными Первобытного нашего языка слова должно принять: все они находятся и здравствуют в нынешних Славянских языках. Ежели в наших наречиях не отыщется некоторых: то они или некогда в них находились, или же не редко, особенно в книжном языке, разумеются и толкуются иначе, или же имеют самое малое, а не редко и ничтожное употребление. Основавшись на сих началах, можем принять в свой язык и из древних обработанных чаромутных языков (каковы суть Греческий, латинский и друг.) все слова, необходимые для наук, искусств и художеств, обратив оные предварительно в собственную истоть: они суть наше неотъемлемое достояние. Разумеется, свои племенные в истоти должны быть предпочтены: иначе учиться из Греческого, Латинского будет неразумно. Но дай Боже, как ни научиться, но на истинных началах! Любезные мои соотечественники! везде пред нами сокровищницы нашего языка! Какой народ в мире, кроме Славян, сам может похвалиться! Были времена, когда мы вечно тратили свой язык, но настаёт пора, когда по Божьему произволению, возвратим свою потерю с лихвой.

Что принадлежит до гранесловных образим нашего языка, то изследуя их от самого начала до нынешнего времени, я должен сказать ещё одну правду, которая, разумеется, ныне не всякому понравится; но я говорю пред лицом Света, пред будущим потомством: она состоит в том, что ежели мы будем иметь образцом гранесловные образимы народной текущей речи, то мажучи свою племённость по головке, кончим тем, что наш язык должен будет совершенно выродиться, и наши потомки наследуют какую-нибудь чухонщину, в таком роде: он был пришедши, она была ушедши, я *есть*, они *есть*; изгнавши причастия, мы скоро не будем иметь и деепричастий. Здесь не буду входить в исследование, отчего язык мирской так часто приходит в порчу, в разрушение: но сие каждый может заметить. Вот от чего: какие бы усилия речетворцы (литераторы) и словесники не принимали, а язык книжный всегда будет различаться от простонародного. Усвоив на письме одну неправильность народного языка, мы вскоре заметим ещё две, три новых, и не будем успевать вводить их: а всё таки наш письменный язык для мири будет казаться странным, непонятным.

Какое же впрямь будет гранесловное направление Русской речи? Такое, какого никто не ожидает и не думает. Что есть славянский язык? – Быстьтворь рода человеческого. Все народы Света из простого ли любопытства, с намерением ли узнать сокровенное построение своего собственного, родного языка, и истинный смысл всех его слов и образим гранесловных, быдут изучать его; а многие усвоят себе и писать *мрут* на нём свои творения, исследования, открытия: и ежели мы не будем участвовать в этом всемирном направлении к разработке «единого языка», то нас все осмеют и по делом. Не пройдёт ста или двухсот лет: как всё лучшее, избраннейшее в Париже, Лондоне, во всей Европе и Америке будет говорить на одном из усовершенствованных Славянских языков; потом весь Свет последует сему же примеру: здесь ни чьё частное тщеславие не может оскорбляться – наш язык есть свой всем народам. Но два века есть малость против одной, двух тысяч лет. Следовательно и наш язык должен подпасть одному и тому же влечению. Направление его будет состоять в приближении к первородным его образимам и благозвучию, в усвоении того, что было оставлено, позабыто: таким образом Славянский язык более *пяти* тысяч лет непрерывно терял свои свойства и перерождался, и столько же может возобновлять первобытные образимы, слова и произношение и вместе совершенствоваться. Совершенство, изящность, благозвучность, определительность суть свойства Первобытного языка; он есть вместе язык, свидетельствующий славу и бессмертие рода человеческого, Совершенство, Упадок и Восстановление, или Единство, Несогласие (частное тщеславие) и Примирение (покорность Судьбе). Два закона судеб он окончил, настанет третий.

Какой же Славянский язык ближайший к Первобытному? – малоазийских славян, иначе, Славяно-Церковный и судя по остаткам, Полабский, а из живых языков Лужицко-Сербский (28), в нем весьма хорошо сохранились Первобытный выговор согласных, двойственное число и другие

образимы; потом Словенский в Штирии, Каринтии, Крайне, в нём также сохранилось двойственное число. Из Русских наречий все драгоценны: но более печати первобытности в Малорусском, сверх того в нём склонение имён по старинному со звукозаменением окончательных согласных, а в глаголах будущих (неопред. и многократ.) времён употребляется «иму» вместо буду. Сии языки и наречия необходимо всецело сберечь для будущности и вместе для потомства, которое за сие не останется неблагодарным. Сие сбережение есть высокое покровительство, а не бесполезные примеры частных людей: без него не более как в тридцать, в пятьдесят лет все особенности наших наречий безвозвратно погибнут, позабудутся; и к сожалению есть уже довольно сему примеров (29). Чем более теперь мы сохраним от траты своё словесное богатство, тем скорее и удобнее развяжем Гордчиев узел прежних Судеб рода человеческого, тем скорее человечество провидит вою славную будущность. То же самое должно сказать и о языках Лужицко-Сербском и Словенском, ближайших представителях Первобытного; одно, много два поколения – и они навсегда исчезнут, утонут в иноплемённой речи; и тогда никакие словари, ни гранесловия не помогут для света возратить самого важнейшего: беглой живой племенной речи, ко всякому быту приспособленной. Дай Боже, им долгую и долгую жизнь, да не потонут ныне у берега!.. (30). Сверх того сколько славянской речи грязнет и искажается в Мадьярском и Турецком языках!

Из двенадцати языков и главнейших наречий Славянских который или которое усвоит себе свет? Употреблять каждый и каждое можно и теперь; на чтоб привести язык к первобытному совершенству и подобию, нужны столетия. Сперва каждый из них должен усвоить свои отдалённые наречия и потом древние истинные образимы: это будет язык высших включей общества. По прошествии столетий из семи языков славянских образуются четыре, потом два и наконец, по соединении всех, един общий. Не взирая на сильные против Первобытного языка нападения, которые долго и долго будут продолжаться, он восторжествует по причине весьма естественной: для всех народов он есть первородный, первоначальный и вместе язык вечный, бессмертный, не умирающий, враждолюбивый, единое и единственное «устопредание» Предвечности... Он доказывает, что род человеческий искони был то выше нынешнего, то унижался, то опять принимал «образ и подобие» Миротворца.

Платон Лукашевич

1845 года,
Вресня 9 – го дня.
М. Березань.

Примечания.

1. Храбрии Русици прегородиша (поля) черлёными щиты (против конных орд Половецких). «Песнь о полку Игор. Разумеется, наши предки имели и конное войско, но в малом числе.

2. Между многими примерами Силезия сделалась таким образом совершенно Немецкой странюю.

3. Наприм. Гердер.

4. К сожалению, и поныне весьма мало, особенно как следует, переложено на значи из сих песен. Сначала из первых довольно было переложить: уничтожение Запорожской Сечи и смерть Байды, Нечая и Железняка; потом стон по Отечестве: Чайку или Сокола; удалость козацкую: шумить, гуде ветер по дороге; месть любовницы: Не ходи Грицю; весёлыя: Под вишенькою, Гречку, журавля. великороссийские песни имеют другой напев; из них совершенно схожи с Южно-Русскими напевами только некоторые старинные молодецкие песни, которые удалось мне слышать.

5. Освобождение из теремов (!) женского пола в Великой России Западные недомыслы поставляют себе за победу; но это рано или поздно, а должно было произойти. Следовало бы им сперва знать, что обычай, или «приличие» затворничества девиц в Великой России не был никогда там народным, племенным, а произошёл от подражания во многом Византийскому и Грузинскому дворам и Греческим обычаям как единоверческим. Обычаю сему стали следовать Бояре, за ними купцы и зажиточные гродские жители.

6. По уступке той стороны Днепра Польской Республике, война туземцев с Поляками и борьба их с Жидами с того времени (1667 г.) длилась ещё более ста лет... По мере истощения Руси, Поляки назвали её под конец гайдамацкою, т.е. разбойническою (народ - «колийщиною»), а остатки воинского сословия оной – гайдамаками, разбойниками. Конец сих войн и последствия известны: туземцы утверждены за Поляками; а Жида десятки тысяч поселились на новозавоёванных землях во всех древних Русских городах и местечках. Оттуда с 1794 года перебрело их в Полтавскую и Черниговскую Губернии до 40000 душ, и там они прибрали в свои руки всю прежнюю торговлю и промыслы Христиан.

7. Нельзя сказать, что были плохи и на море, но не таковы на конях... правда, что сотня их в «таборе» не побоится и тысячи Ляхов, ни нескольких тысяч Татар. Если бы *конные* казаки имели такое же мужество, как *пешие*, то были бы, по моему мнению, не победимы. Боплан. 1832 г., 8. О пешем бою Славян см. выше.

8. Тоже знал и Платон: «варвары древнее Греков». Кратил 25, 26, т.е. Фригийцы и Фракийцы.

9. Не в осуждение великому мужу, а поставляю себе в обязанность сказать: установить, образовать письменный язык на одном из его наречий – значит употребление его ограничить, а ещё более утвердить в нём неправильности и отклонения от природных настоящих образим чуждые другим его наречиям. Не значит ли это в сии наречия вводить те же вопиющие неправильности, отклонения и недостатки? Ни один народ в мире не имеет таких непреложных законов языка, как наш... причины раскрываются.

10. Не все журналы офранцузились: издатель посредника г. Усов однажды в нём заметив, что время уже иноязычину у нас исключит, издаёт свой журнал с безпримерною чистотою Русского слова. Исполать таким издателям.

11. В 1842 году в Московитянине появилось: *Полтора слова о нынешнем Русском языке*, соч. Луганского; выписано из него то, чего я недосказал: «переделать, переплавить склад языка по другому образцу, не лишив его в то же время соку из корня, нельзя. Язык погибнет, утратится всё то, что давало ему право называться отдельным, самостоятельным языком, - и мы, как давно уже было замечено, будем знать Русские слова, но не Русский язык, будем говорить русскими словами по-Французски и по-Немецки... Все особенности Русского языка, отличительные свойства и преимущества словосочинения и склада его, *теряются* на письме всё более и более, изглаживаются; язык приводится в уровень и под стрижку с Западными языками. Он слаб и тяжёл в несвойственных ему оборотах; а свойственные ему и собственно ему принадлежащие *изгоняются* и *забываются*. Их можно найти там только, где язык не изменился, в народе; ими должно дорожить, искать их и вводить снова в письмо, чтобы прошлое и слабое заменить свежим и сильным.

Примечание 1. На виновных пусть бог взыщет, а русские всё таки не оправдываются, попустив изувечить в самых драгоценнейших «отметах» свой живой язык. Конечно, можно ещё поправиться, равно как и всякую истину можно доказать и употребить для славы отечества, а то что прилично, чем должны дорожить и гордиться и поготову. Наш язык отныне не принадлежит одним нам, а составляет общее достояние древнего мира, следовательно всех нынешних очаромутившихся народов. Каждый просвещённый иностранец в праве упрекать нас в невнимании к «безсмертному языку». Каким же образом решить задачу г. Луганского скоро и верно? Дело идёт не о словах, а о складах, оборотах, словосочинении Русской природной речи, о самом слоге. Отвечаю, задачу решают: 1. Древние Русские летописцы и сочинения; старинные судебные дела, грамоты, бумаги. 2. Народная речь. Для этого не годится ни Петербургская, ни Московская; она давно уже испортилась, равно как речь солдата, дворового человека, мастерового, горожанина. Положим, что сия порча ещё не велика, мало приметна, но всё таки есть. Будь по мне, я бы так сделал: послал бы скорописца (или действующего через знакомого) в любую Русскую Губернию, где избрал бы деревушку самую отдалённую от столбовых дорог и городов, в которой не бывает воинского постоя, а жители зажиточны и не ходят никуда на работы, довольствуясь земледелием, рубкой лесов, звериною и рыбною ловлею. Затем по приезде туда скорописца, он, угостив поселян, потребует из их общества говоруна самого искусного, но не грамотного, и, по составленной наперёд «памяти», стоящей во вопросах, он ему предлагает первый,

второй и т.д. Краснобай отвечает, а скорописец его отповедь от слова до слова записывает, сохраняя совершенно местный выговор; мирь или семья поправляет или дополняет этот рассказ, что также записывается. Сии вопросы, сообразно предметам, можно предлагать по возрастам и полам. Так, о душевных и духовных свойствах человека – старику; о быте, воспитании и благосостоянии семьи – мужу; о домашнем хозяйстве – жене; о невинных удовольствиях – деве; об окружающей природе – юноше. Искусство вопросодавца должно заключаться в том, чтобы заставить повествующее лицо высказать о предложенном предмете *всё*, что знает сперва простыми, а потом самыми трудными оборотами речи. Когда, по возможности, весь язык жителей той деревушки с помощью таких вот вопросов (которые должны приспособляться к самому наречию жителей, а не щеголять «книжными» словами) передан на бумагу: рукопись готова. Затем можно таким точно образом записать рассказ о местных искусствах, художествах, врачевстве, о травах и пр.; потом местные сказки, песни (вместе с переложением на значи), предания; а напоследок названия окрестных языческих городищ и урочищ той местности. Вообще для нашего языка, при одних и тех же вопросах, на первый раз нужно сделать таких вот снимков, взятых со всех мест России: для Велико-русского наречия 17, для Новгородского с Вологодским, Вятским и Архангельским 8, для Малорусского с Галицийским и Карпато-Русским 15, для Белорусского 10. Затем каждая рукопись переходит в руки вежослова (филолога): в ней он означает и выписывает на пробелах: «полувспомогательные» глаголы, слова, управляющие разумом речи и чаромутие с обозначением его подразделения, т.е. какого именно образования (через что можно будет знать, какая часть или страна России более была ему подвержена, и где даже было главное его вместилище); затем делается разбор гранесловный и все особенные обороты и построения речи отмечаются; напоследок сводятся отдельно три главные наречия; а по окончании сей второй работы, производится общее сличение всего Русского языка: тогда древние образимы и общность принимается, а частность, если она примечательна, отмечается. Общие извлечения издаются, а рукописи отдаются в книгохранилище Российской Академии.

Примечание 2. Всё сие освежит племенную нашу речь, но не нужно нарушать наши основные гранесловные образимы, прямо исходящие из одного общего славянского источника: сия-то письменность оберегает от окончательной порчи наш язык, а не мирь, которая вековечно подражает высшим включам (классам). Язык рода человеческого образовался не от говора народного, а «из книг». Мы бы не потеряли безвозвратно в 13 и 14 веках столь много драгоценных первобытных образим языка, доказывающих величайшую его определительность, образность и изящность, если бы в то же время не погасла письменность. Едва ли прошло два века, как мирь Велико-русская начала говорить *я есть, ты есть, мы есть, вы есть, они есть* или же вовсе опускать вспомогательный глагол быть в настоящем времени. Во всём этом мы можем подражать ей, в этом добрая воля: но настоящая обязанность письменности требует исправить эту погрешность или порчу языка – сие свидетельствует каждое руское гранесловие (грамматика). Вы низачто не заставите говорить Француза *je est, tu est, nous est, vous est, ils est* иначе он расхохочется до слёз и назовёт эту образиму варварскою (брадарскою), и в правду! Петербургская мирь ввела немеччину (германизм): он был пришедши, она была ушедши: Московска начала её подражать. Чей же долг эту основную порчу языка исправить?

12. Оно состоит из двух слов: чера, мн. чары – буква, буквы и мутить – изменять вид, потемнять. См. слово чера.

13. Сия буквы по Первобытному языку, как выше я заметил в единственном числе назыв. чера, а во множ. чары, также черта, а во множ. чарты; отсюда происходят чародей и чёрт; родит. падеж был чердзя, черчя, в последствии обратилось в черт, хотя в Велико-рус. наречии и удержалось во множ. черти: оба сии слова означали людей письменных; а в глубокой древности последнее означало верховного жреца (см. мой Первоб. Славян. язык); отсюда множество чёртовых городищ или градищ на славянских землях.

14. К получаромути не должно относить окнчаний слов, хотя они по боьшой части чарноистотные, и служат только к определения свойства и качества слова, к которому придаются.

15. У Велико-руссиян слово лафа – польза, выигрыш, в старину означало почеть (*honoraire*), почётное жалование, содержание; пусть сие слово они заимствовали у Арабов через Татар, но и у тех оно есть *поистотное*.

16. Вот каким образом открыто мной Чаромутие: когда я оканчивал Первобытный славянский язык, т.е. которым, по тогдашним моим соображениям, говорили предки наши по крайней мере за 3000 лет – язык, выведенный мною из сравнения нынешних Славянских и древних землеописных названий: в то время имя «Глеб» меня особенно занимало; оно было для меня камнем преткновения. Я уже тогда открыл значение имени Бориса и других имён: они были отнесены ко временам священным, имеющим тайный смысл, или к таким, которыми простолюдины и подчинённые не могли называться. Составивши сим именам особенный отдел, и как бы исключение из целого, я назвал их «священным языком». Но сей язык в точности был «истотен». Удостоверившись в таинственности значений имён Славянских владык, богов и многих городищ, я всё таки в производстве имени Глеба не продвинулся... Я любил разбирать древние надписи. Особенно моё любопытство занимали письмена Этруссские; и часто жалел, что не имел возможности достать необходимое их собрание; тем более, что из некоторых Этруссских слов я знал, что Этруски были Славяне, и по наречию принадлежали к племени нынешних Словен; и потому, для продолжения своих исследований, предполагал отправиться во Флоренцию. Некогда я сделал следующее заключение: Пелазги и Этруски писали одну строку от левой руки к правой, а другую от правой руки к левой или обратно, посему соединяли образ писания нынешних Европейских и Азиатских народов; их буквы в строках, от правой к левой руке написанные, «обращены» выворочены тоже на левую сторону: во времена столь отдалённой древности и владычества жрецов, не могли ли сии народы почитать письмена свои даром небес; и потому их князи и вообще все письменные люди должны были читать, особенно священные песнопения и предания, всё в одну сторону, а не заворачивать их от одной руки к другой; а потому и читали одну строку так, как мы, а другую, касательно самого чтения слов, в обратном порядке. Прочитав на сём основании имя Глеб, получил – Белг; удовольствие моё было неизяснимо: это в Первобытном нашем языке 2-я, или сравнительная степень прилагательного бел, велик! Затем прочтён: Шварп – правш (шварный, у Чехов лепый, пригожий). Перешёл к Балгарам и Фракийцам: Кардам = Мадрак, - ац; Rhoemetalkos = ключемер, Ключимир, - рж. Долго я ограничивался в чаромутии одними собственными именами. Однажды любознание заставило меня взглянуть на Греческий алфавит: не возможно было выразить моего удивления и восторга: казалось, алфавит сам сказал: *О хвала тебе Мага слюда!*... Я признал тогда Финикиян Славянами, и нашёл, что имя Annibal – Hannibal = лньбял, т.е. великий господин, схожо со словом бял – с чаромутным именем сына Кадмова: Labdakos = чадбял, кудбел – великий кудесник, чудодей. Наконец, развернув словари языков Греческого и Латинского, удостоверился, что они состоят из смешения Славянской чаромути с чарно славянской же истотью. *(Сию открыл я в последствии, когда исследовал на чаромутном основании Славяно-Русский язык, и окончив его чаромуть, вторично должен был к объяснению и описанию его же чарной истоти).*

Тогда я возблагодарил Творца, что столь неожиданно и решительно вновь благоугодно было Ему прояснить прежние судьбы рода человеческого, а конечно и будущие.

17. Немцы называют себя Германцами, а страну Германиею: ежели и Немецкий уголок на твёрдой земле Европы Римляне, по недосмотру, могли назвать тоже Германиею: то это было с их стороны ошибочно, также как древние смешивали под именем Скифов различные племена Азии и Европы. Но утешимся: имя Германцев у Немцев есть только учёное, книжное. «Настоящее» же их имя есть чаромуть: Deutscher = чадель, чадень, то же, что и Чудин, и то же что Scandia = чадья, чухонщина; Scotia, Шотландия = чодья, чудья, тоже чухонщина. Романские народы называют в «истоти» Немцев: Tudesque = чадеск, Tedesco = чодеско = чадеско. Удивительно, что и слово Чудин не их собственное, ибо народ Чудский в языке совершенно отличествует от Немцев! хотя по Швеции и граничит с ними. Какое же было настоящее их имя?... После всего этого не возможно на деле искать. Славяне хоть народ назвали Немцами, потому что в их языке, в сравнении со старым Славянским, не достаёт на половину гласных и одной трети согласных: дикие звуки эй, ай и т.п. суть двойные, а не первообразные.

Происхождение этого народа лучше всего объясняется самим его языком: он состоит из двух оснований или чаромутий.

Первое и главнейшее есть Калмыцко – Татарское:

Калмыцко – Татарские слова	Немецкие
Ир, земля	Erde
Сать, время	Zeit
Су, вода	Wasser

Балга, топор	Beil
Орду, орда	Herde, стадо
Бурдюг, мешок	Beutel, с опущением буквы р (г)
Башка, голова	Kopf = бокш, бошк
Якши, хорош	Schon = акш и др.

Втрое отделение оного есть уже Славянское, Лятского наречия, напр. чаромуть: Schuld, долг = длуж, у чехов dluh, долг = длог (см. о койности); Stuck, кусок = кусч, куск, Чешское кус совершенно соответствует Нем: Stuck, штука; Tuch, сукно; платок, плат = хуст; хуст у Поляков полотно, хустка, платок; acht, тщание = тща; Wohl, благо = блгов; brechen, ломать = щербати; warten, ждть = травети, у Чехов трвати, продолжаться; *чарная истоть*: bild, образ = облич, у Чехов обличей – лице, чело.

Откуда же этот народ, уж верно из Персии?... Когда образовался там, гораздо после Александра Македонского, *мнимо*-Персидский язык, или Монгольско-Татарский, в то время Монголы, завоевавшие Персию, оставили в ней кочевую жизнь. Арабы долго останавливали движение *мнимых* Персов на Запад, т.е. на Сирию и Малую Азию; потом другое кочевое Монгольское, или Калмыцкое племя, под именем Турков, приняв закон и письменность арабов, завоевала Восточную Римскую Праву, и остановилось только у Дуная. Пройти от Аральского моря и Коби к сей реке по трупам избиенных туземцев и по пеплу сожжённых городов и весей, требовалось, как явствует из быстьвори, более тысячи лет непрерывной резни; а до того, не опустошив Персии, не возможно было войти в Сирию и Малую Азию; и, не утвердившись в последних странах, нельзя было кочующим переплыть Босфор и Геллеспонт. Со стороны же Уральских гор и Киргизских степей Монголы через Новороссийский край (где чистые степи), Бессарабию и Молдавию вторглись в Паннонию, но не далее: поелику, кроме сей страны, для кочевья далее в Европе раздолья нет. И поныне чистые Монголы под именем Мадьяров здравствуют в том крае, занимая поля, равнины; сему народу никогда в голову не приходила мысль занимать горы, погарье Европы, а ещё «горше» северные её острова и бесплодные скалы Шотландии или Скандии.

Монгольские кочевые племена разделяются: на табунщиков, живущих в Средней Азии, и занимающихся скотоводством; и на охотников и рыболовов, населяющих преимущественно всю Северную Азию, или Сибирь. Какая же местность вид сей последней страны? От реки до реки непроходимые леса, простирающиеся на несколько сот вёрст; между них поляны, озёра, и вообще «многоводие и половодие», погарь, подины, горбы, снега, льдины. Северный водян (океан). При полянах и озёрах в местах иуденных, диких, или при берегах рек и речек по нескольку юрт (Нем. Hute, хижина – юрте, юрта. См. о чарной истоти), где живут «герои» рыбаки и охотники. Наша Архангельская и Олонецкая губернии «с холмогорами» и Финляндия такую же имеют «подь» и ту же местность, с тою разницею, что здесь поднебесье (климат) не столь сурово, а Ледовитый океан становится судоходен, где мореплавание, конечно в древности, производилось байдарами. Швеция примыкает к Финляндии и вместе с Шотландиею и окрестными островами имеет те же скалы, погарь, подины, леса, озёра, льды, снега, Северный водян, но с тою разницею, что поднебесье становится чем западнее, тем умереннее, теплее. Сии последние страны составляют едва ли одну двадцатую часть Северо-Восточных, к коим Швеция примыкает! И все сия неизменные пространства искони были олюднены, всегда обитаемы родом человеческим: таков закон Божеский! Все сии без исключения народы в древности не знали употребления хлеба и соли; а западные, в последствии, начали печь коржи, лепёшки хлебные, которые и теперь употребляют более как прикуску, без коей можно обойтись; главная их пища есть рыба, мясо, молоко: вероятно посему у сей породы людей редкозубие и гнилозубие есть общее и проч.

Но что всего для нас жителей Юга удивительнее: это быстрота сообщений северных народов на величайших пространствах, напр. кочующие народы Архангельской губ., их «промышленники», охотники сходятся ежегодно у Ледовитого водяна для торговли с Якутами (*Сие сообщил мне почтенный сосед мой И.Г.Кардашевский, служивший 30 лет в Северо-Восточной Сибири, и бывший 13 лет Начальником Якутской области. Он превосходно изследовал нравы и обычаи Якутов. В управление его Якутскою областю и его пособием открыт известный допотопный мамонт.*!) Пространство в три раза более, нежели от Архангельска до середины Швеции! Что же тут странного, если напр.: сани в Камчатке называются «нарта», а у Франков (Французов) = traineau! решите же, которое из сих слов есть истоть, а которое чаромуть?... Нем. Schlitte, сани = слыджа, лыжа... Пичины столь отдалённых и скорых сообщений суть: обилие снегов и следовательно, езда на нартах (traineau) и ходьба на лыжах (Schlitte); также малое население тех стран: двадцать, а много тридцать человек могут «вооружённою силою победоносно пройти» весь северный берег Азии и Европы, особенно

потому, что жители совершенно миролюбивы. Держась берегов водьяна, от реки Лены тамошние народы легко проходят Карское море; далее людство увеличивается; весной становится морской путь и байдарами, обогнув Северный мыс, путешественники очутились в Норвегии, где находили более обилия и умереннее поднебесье.

Тысячелетия прошли в подобных сообщениях на Севере и всегда там прилив народу был не от Запада к Востоку, а от Востока к Западу. Хотя прибывало каплями, но сии капли со временем становились потоками, ручьями, озёрами, а теперь образовалось целое море (*Положим что самое умеренное приращение народонаселения есть то, когда оно во сто лет только удвоится; то такое население, состоящее из одной тысячи хунг и живущее под защитой и покровом Севера, должно с 500 лет иметь 32000 душ; через другие 500 лет будет оного 1024000 д., а через 600 лет заключат иметь 65 тменей. Для сего увеличивания нужны только частная безопасность, пространные земли и след. средства к пропитанию. Разумеется такое размножение населения иначе быть не может, как на счет существования и благоденствия других соседственных народов.*)

Первобытные поселения Сибирских Монголов в местах пустынных, диких были Норвегия, устье Рейна, Голландия, Шотландия, острова Оркадские: море, между сими странами находящееся, справедливо названо Дейчерским, хотя у него от Дании до Голландии ещё долго обитали Славянские племена. Другая часть Монголов-рыбаков и охотников входила, по зимнему пути, прямо через землю Лопарей в Северную Швецию. Здесь-то, на пути переходном, у Белого моря, искони обитали славившиеся своей образованностью племена чудские. Они-то положили начало таковой же новым переселенцам и, конечно, были у них жрецами, установителями веры и «нового чаромутного» языка, так что сии переселенцы назывались в чаромутии родовым их именем, как выше уже показано. Новое чаромутие сего народа, из которого образовался язык Дейчеров, имеет следующие основания: 1. Истоть его состоит из слов Монгольских и Славянских, пропущенных сквозь чары. 2. Когда чаромуть обращена в истоть, но выходит слово Монгольское или Славянское Лятского наречия; необходимо при сих изследованиях руководствоваться языками Якутским, Тунгусским и т.п.

<i>по-Якутски</i>	<i>по-Немецки</i>
Бт, собака	Hund
Огус, бык	Ochs
Прахта тагара, земной Бог, Государь = Прахта гатара	irdisch Gott

По принятии Дейчерами Христианства в их язык вошло много Латинских слов, на которые не должно обращать внимания: они очищаются через справки с подобными словами в других Дейчерских языках, которые их не имеют.

Когда составился народ = Дейчерский, то всякий проницательный наблюдатель, взглянув только на местность Немецкого моря и на отдельные окрестные его страны, мог предвидеть: что дейчеры должны со временем всё выиграть, всем завладеть, а терять что-либо на голых скалах им нечего. Самый непреодолимый оплот для них был север, откуда неприятелей никогда не могла быть; а морские берега, ущелья, вертепы, острова, Норвегия, имевшая сообщение с Азией, служили им лучшею защитой. Здесь – то образовались морские разбои, которые породили в последствии и сухопутные. Не стану следить за постепенным их размножением и расширением их владений, замечу только: когда Дейчерами был почти оселён Рейн, в то время Франкам, Дейчерской вольнице, удалось завладеть Галлией. Тогда с помощью побеждённых ими Галлов, старинных очаромутившихся Славян, они ударили на земли Славян «истотных» Боев, Турингов и многих других, и истребив там тмени туземцев, ввели в их края свои поселения. Со времени Карла «великого» счастье Дейчерам посыпалось, как из рукава; с тех пор уже более тысячи лет сие стремление сильнее и сильнее производится на земли Славянские. В Галлии напротив не так-то им посчастливилось: там заставили их совсем «замолчать» и принять язык Романский. В нынешнем Французском языке находится весьма мало Тудеских слов; а в гранесловных образах замечается в существительных и прилагательных женского рода отсутствие окончания *a*. Ежели бы так же «приняли» Славяне Дейчеров, как Галлы: то всё их население в нынешней Германии ограничивалось бы оселением Рейна, и правый берег сей реки не превышал бы населением левого.

19. Тоже должно сказать и о Египетском: у Коптов корова – *vahsi* и соответствует Латин. *vassa* = храва, крава, но крава есть наша главная чарная истоть = карма, корма, от глагола кормить, питать, вскормлять, а млеко есть главная чаромуть и = кормо; по-Коптски: *jahsi* (чаром.), коза = хазн, но коза есть главная истоть и = гонза от гонзати, бежать, уходить; в том же языке *jahsi* (чаром.), овен = овех, но овен есть главная чаромуть и = волен, от волны, руна, шерсти, и т.д. Посему слова: *vansi*, *jahsi*, *hiev* – суть третьего образования, почаромутность. По причине, вышеобъяснённой, я признаю языки: Латинский, Коптский, Арабский, Абиссинский, Грузинский, Армянский, простонародные Индийские и др. также чаромутными, хотя они все суть третьего образования.

20. Кортав = дрожав, дрогав; *chorda* = дрожа.

21. Коити (Чеш.), тоже что *покоить*, от койный (Чеш.).

22. У Подеснянцев (Черниг. Губер.; и у Карпато – Руссов (*Срезневский: Обзорение глав. черт сродства звуков в наречиях Славянских.*) прямое койное *ѡ* = уи, напр: *кѡнь* = куинь, *вѡл* = вуил. В Полтавской, Киевской, Подольской, Волынской Губ. и в Галиции находится второй койный чарного онемения звук; а у Малороссиян, живущих в южных уездах Черниговской и в Северных окраинах Полтавской также у Чехов, Словаков, Поляков – первый койный чарного онемения. Почтенный мой земляк М.А.Максимович, признал невозможность писать койность через *и*, *у*, *уи*, стал изображать оную для Малороссийского наречия через надстрочный знак *ѡ*, *ѣ*. Сей отличный наш Лежослов первый превосходно исследовал Русский язык по трём или четырём главным наречиям, в сочинении своём: История древней Русской Словесности. Сие исследование осталось почти неприметным! Г. Максимович справедливо находит сходство (второго чарного онемения) Южно Русской койности с таковою же Эльбских Древлян: *kist*, *pic*, *pic*, т.е. *кѡсть*, *нѡчь*, *пѣчь*.

Наши древние летописцы сделали довольно примечательную погрешность, произошедшую от дурного толкования Южно-Русской второй чарн. онем. койности: Печенѡги = Печениги, но так как Южная Русь и тогда *и* заменяла (как и Новгородцы) через *и*, о её койность принята за *и* и стали писать Печениги. Печь никого нельзя нежно, а сии лютники пекли ноги своим пленникам для воспрепятствования им побега: Кавказские Горцы и теперь употребляют подобные средства. Сия Лежословная ошибка наших летописцев доказывает, что и в X веке: 1-е, Южная Русь *и* упоробляла вместо *и*; 2-е, койность *ѡ* произносила как и ныне, по второму чарному онемению оной.

В Сербии, Крагуевской Иахии, есть село Печенѡг (*Караджича: Данница за годину 1827, стр. 67*); а близ Новгорода – Северского, близ Десны, сел. Печен *и*ѡги.

23. *Vrigi* (истоть) = Брѣги, брег (Илл.), гора; *Phrigia* (чаромуть) = Гѡржва, отс. Горжянин (без койности), а множь. Гаржяне – Фригийцы.

24. Македонянин Белов (*Belon*), военачальник, воевода Александра, между прочим так обвиняет Филота: «он привык всегда смеяться с нашей простоты или грубого обхождения и малого учтивства, называя нас Фригийцами и Пафлагонийцами; родившись в самой Македонии он не стыдился через переводчика изъясняться со своими единоземцами» Кв.Кур. Кн. VI, пер. Мартоса. Если мы и теперь скажем вместо поблагонец – поблажонец, то выйдет обидный смысл.

25. *Ulphilas*, *Vulphilas* (истоть) = Вѡлхвил, - ац, т.е. Первосвященник, Епископ Готский, не избрѣл письма Готские, или Славянские, а заимствовал все от Славян Малоазийских. Филосторг, его современник, свидетельствует (посвечает), что родители матери Вѡлхвила бали родом из Каппадокии: сего достаточно. Обращаю особенное внимание моих соотечественников на города: Олбу (*Olba*) и Олбашу (*Olbasa*): найдите их развалины, освидетельствуйте окрестности, ищите ... и обрящете.

26. «Несчастные Христиане Азии склоняют головы под иго Халифов ... но « эпоха терпимости вскоре проходит. Магометане, утвердившись в своих владениях, принуждают Христиан принять свою веру. Все ужасы, все роды мук употреблены для обращения Христианских племён; жестокость

завоевателей простирается до того, что отрезаются языки отцам и матерям, чтобы новое поколение, потеряв родной язык, приняло язык и веру победителей» О нынешнем состоянии Православной церкви на востоке. Архипелаг и Греция, соч. Базили. Часть 1, стр. 188.

27. Объяснение перехода и в и обратно в Первобытном языке есть самая трудная задача, между тем во всех языках главного чаромутия он находится, у Римлян даже и преодолевает и. И по Тауту нельзя решить сего вопроса, наприм. лишне и дмита, у Коптов: дита. Хотя переход *и* в *я*, а потом в *я* (▲) и мог зависеть от свойств ударений слоговых, но должно на верное полагать, что в самой глубочайшей древности гласная *и* составляла несовершенный носовой звук *ин*, который переходит в *и*, *я*, и *я*: так Французы пишут *in*, а выгов. *эн* и *пр*.

28. Небольшого Славянского племени едвали из 140000 душ состоящего, оно делится на два наречия и находится под властью двух Немецких королевств.

29. Между прочим не более тридцати лет в Малороссии Муза Каллиопа (= Зума Пойблага; зума или сума от суметь) добровольно разбила свою лиру. Единственные в мире «благие» гласы исчезли: Украина уже не поёт! Но в Галиции племенные песни ещё не забываются.

30. Лет двадцать назад народ Славянский Котбусы исчез, уничтожился навсегда в Пруссии, от его языка осталось в печати несколько, священного содержания, книг.

За сим приношу искреннюю благодарность В.В.Ганке и И.И.Срезневскому в доставлении мне возможности получения из-за границы необходимых для меня книг, а равно в сужении редкими. Без чего долго бы ещё не окончил своего труда.